

А.А. Стреленко

**Я-ОБРАЗ
В СОЗНАНИИ ПОДРОСТКОВ,
ПЕРЕЖИВШИХ СЕКСУАЛЬНОЕ
НАСИЛИЕ**

Учебно-методическое пособие

А.А. Стреленко

**Я-ОБРАЗ
В СОЗНАНИИ ПОДРОСТКОВ,
ПЕРЕЖИВШИХ СЕКСУАЛЬНОЕ
НАСИЛИЕ**

Ψ

УДК 159.923.2 (075.8)

ББК 88.837 я 73

С 84

Автор: старший преподаватель кафедры психологии и коррекционной работы УО «ВГУ им. П.М. Машерова» **А.А. Стреленко**

Научный редактор: доктор психологических наук, профессор ЛГОУ им. А.С. Пушкина **В.Л. Ситников**

Рецензенты: кандидат психологических наук, доцент УО «ВГУ им. П.М. Машерова» **С.Л. Богомаз**;
доктор философских наук, профессор **М.А. Слемнев**

Учебно-методическое пособие посвящено анализу факторов, влияющих на виктимизацию личности ребенка. Рассматриваются вопросы возрастных особенностей и психологической травматизации детей и подростков, пострадавших от воздействия агрессивных намерений и действий.

Выявлены различия и сопоставлены между собой структуры Я-образов подростков, подвергавшихся сексуальному насилию с Я-образами подростков – воспитанников различных образовательных учреждений.

Издание предназначено для студентов, приобретающих специальность «Социальная работа», «Социальная работа с семьями и детьми», «Социальная педагогика», «Практическая психология», а также психологов, социальных педагогов и социальных работников.

УДК 159.923.2 (075.8)

ББК 88.837 я 73

© А.А. Стреленко
© УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2003

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ЛИЧНОСТЬ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ-ЖЕРТВ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ	9
1.1. Факторы, влияющие на виктимизацию личности ребенка	9
1.2. Возрастные особенности и психологическая травматизация личности подростка, пострадавшего от воздействия агрессивных намерений и действий	18
2. ОПИСАНИЕ И АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИЗУЧЕНИЯ Я- ТЫ-ОБРАЗОВ ПОДРОСТКОВ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ АГРЕССИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ И ДЕЙСТВИЙ	29
2.1. Результаты исследования особенностей структуры Я-образов в сознании подростков, переживших сексуальное насилие	29
2.2. Различия в описаниях Я-образов у подростков-жертв сексуального насилия с воспитанниками школы-интерната	32
2.3. Различия в описаниях Я-образов у подростков-жертв сексуального насилия с подростками общеобразовательных школ ...	33
2.4. Различия в описаниях Ты-образов у подростков-жертв сексуального насилия с воспитанниками школы-интерната	34
2.5. Различия в описаниях Ты-образов у подростков-жертв сексуального насилия с подростками общеобразовательных школ ...	36
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	39
ЛИТЕРАТУРА	41

ВВЕДЕНИЕ

Как никакая другая тема агрессии, жестокости и насилия вобрала в себя вечный вопрос сосуществования добра и зла.

Пытаясь исторически проследить свидетельства агрессии и насилия, мы видим, что энергия человека может находить выход как в бескорыстных, конструктивных, так и в жестоких, разрушительных действиях. Несмотря на то, что гуманитарные и общественные науки способствовали обогащению наших познаний в педагогике и психологии поведения, этот процесс до сих пор сопровождается в мире не исчисляемым ростом преступности и актов насилия. Все попытки вооружить людей способами борьбы с насилием не увенчались успехом. Примитивная ответная агрессия и в наши дни остается весьма частым методом противостояния насилию. Привычное (и от этого еще более опасное) насилие пронизывает все сферы межличностных отношений. В наше время сложно представить себе такую программу радио- или телепередач, где не было бы ни одного сообщения о каком-либо акте нападения с использованием жестокости, агрессии или насилия.

Прошедший XX век принес понимание того, что насилие не ограничивается только явными проявлениями (прямым физическим и материальным ущербом). Наряду с ними существует еще насилие, которое обнаруживается в психологической и интеллектуальной сфере и проявляется незаметно. Проблема изучения агрессии, насилия и жестокости, их причин и последствий, является не только социальной и криминологической, но и в большей мере психологической проблемой. Как реакция на это в различных общественно-гуманитарных науках (например, в философии, психологии, религиоведении, этике и др.) возникают различные концепции насилия (ненасилия) и даже целые направления междисциплинарного исследования: этика ненасилия, конфликтология, личностно-ориентированная педагогика, а также психология и педагогика ненасилия.

В 90-х гг. XX в. весьма острой проблемой стало насилие в семье, насилие над детьми и женщинами. Исследования показывают, что и в современном обществе дети являются одной из самых незащищенных категорий людей на нашей планете. Именно они часто становятся жертвами злоупотреблений, пренебрежения, эксплуатации, насилия.

В мире эксплуатируются около 250 млн. детей, причем многие миллионы – в условиях, которые реально угрожают их существованию, здоровью и получению образования. Около миллиона детей ежегодно вовлекаются в сексуальный бизнес. Многие из них вынуждены жить в условиях, близких к рабству.

Торговля детьми давно поставлена вне закона большинством стран, однако, такая торговля представляет собой миллионную индустрию ка-

бального труда и сексуальной эксплуатации. В первую очередь, это касается женщин и девочек, которых продают в проституцию или фактическое рабство. Как указывают исследователи, торговля происходит на всех континентах, но из-за ее латентного характера трудно указать истинные размеры. Так, в рекламном ролике на различных телеканалах фигурируют 175 тысяч женщин, попавших в сексуальное рабство, однако не указывается возраст этих жертв.

Эксплуатация детей в проституции и порнографии – это глобальная индустрия, которой способствует нищета, алчность и спрос на дешевый секс. Причем такой секс по степени притока прибыли стоит на третьем месте после прибыли от наркотиков и оружия. При этом калечатся жизни миллионов мальчиков и девочек, как в богатых, так и бедных странах. Если в 70-е годы детская проституция была уделом стран Юго-Востока, то с начала 90-х она стремительно распространилась на страны Восточной Европы и страны СНГ. Непризнание данной проблемы властями и обществом в целом привело к тому, что проституция, сексуальная эксплуатация детей и подростков очень «помолодели». Следствием этого стало беспрецедентное распространение среди детей и подростков различных заболеваний, передающихся половым путем. Дети широко привлекаются для участия в порнофильмах, что также стало проявлением сексуального насилия и растления несовершеннолетних [34, с.104-105].

По данным независимой благотворительной организации «Сестры» (центр помощи пережившим насилие), в США каждые 6 мин происходит изнасилование. Каждые 7 сек в этой стране имеет место акт насилия в семье [4, с. 37-38]. Однако насилие не является чисто американской проблемой. М. Родуэн и Г. Абарбанела в книге «Как это бывает» приводят страшные цифры о размахе насилия над женщинами в развитых западных странах. В Канаде и Великобритании каждая шестая женщина оказывается за свою жизнь изнасилована. В Голландии и Норвегии каждая третья женщина – была объектом сексуальных притязаний и насилия в детстве или подростковом возрасте. В Германии ежедневно подвергаются насилию 4 млн. женщин [Цит. по: 7]. В США эта ситуация еще драматичнее: около 1 млн. половых преступлений совершается в этой стране в отношении детей. Жертвами порнобизнеса становятся тысячи детей в возрасте 7-12 лет [35, с. 255-256].

В 1996 году весь мир шокировали цифры, обнародованные на первом международном конгрессе в Стокгольме, посвященном проблемам защиты детей от сексуальных притязаний, от использования их в порнобизнесе и проституции, где было отмечено, что только проституция ежегодно губит 1 млн. детей [35].

Страны, образовавшиеся после распада Советского Союза сделав в начале 90-х свой выбор, активно включились в аналогичные процессы. Так, в Финляндии и Швеции распространен специальный путеводитель по

Санкт-Петербургу. В этом путеводителе указано, где и за какую цену в нашей северной столице можно найти мальчиков и девочек в возрасте от 8 до 12 лет для женщин и мужчин [35].

В настоящее время ухудшающиеся условия жизни семьи, падение ее нравственных устоев, способствуют одновременно изменению отношения к детям, вплоть до их полного «вытеснения» из семьи, что приводит к детской проституции и сексуальному насилию [31].

Более того в силу расцвета информационных технологий данная ситуация усугубляется еще и тем, что весьма простым способом растления подростков становится доступный путь вхождения их на порнографические сайты Internet. Как отмечает Л. Ефимова, к сожалению, у нас в стране, как общественность, так и политическая элита недопонимают значения законодательного обеспечения защиты нравственности и психического здоровья детей и подростков от неблагоприятного воздействия средств массовой информации, и особенно телевидения [10, с. 17-19].

По мнению некоторых ученых, занимающихся этой проблемой, до сих пор в России не создана сеть помощи детям, пострадавшим от жестокого обращения и насилия: не проводится профилактическая работа, недостаточно специализированных центров для оказания психологической помощи детям, пережившим сексуальное насилие, вузы страны не готовят психологов, социальных работников, специализирующихся по этой проблеме. А число детей, пострадавших от сексуального насилия растет из года в год. По данным Информационного Центра МВД, в России ежегодно около 2 тыс. детей подвергаются сексуальному насилию. Как отмечают сами специалисты МВД, эти цифры не отражают реального положения дел, так как регистрируют только те случаи насилия, когда преступники были арестованы и понесли заслуженное наказание [23, с. 59-79]. В продолжение этого в аналитическом докладе «Социальное сиротство в современной России» А.А. Реан ссылается на анализ статистических данных ГИЦ МВД России, где выражена позитивная динамика снижения таких преступлений с 1998 года. Однако как отмечает он, подобное благополучие было достигнуто с одной стороны принятием закона, снижающего возраст несовершеннолетнего, вступление с которым в сексуальное отношение, может преследоваться законом, с 16 до 14 лет, что, по сути, «легализует» детскую проституцию и способствует ее распространению. А с другой стороны, масштабы этого явления таковы, что уже не только шокируют общественность, но и вызвали определенную степень привыкания со стороны тех государственных учреждений и общественных институтов, которым вменяется защита и охрана детства, воспитание и образование детей [29, с. 42].

Актуальность проблемы сексуального насилия обнаруживается и при изучении других статистических данных. Так, рост заболеваемости сифилисом среди детей отмечался с 1991 по 1997 г. и составил 94,1%. В 1997 г.

более 55% школьников 12-14 лет заразились сифилисом и 66,7% гонореей при половых контактах. В 1999 г. по сравнению с 1997 г. заболеваемость сифилисом детей до 14 лет снизилась на 19%. Вместе с тем число детей до 3 лет с врожденным сифилисом возросло на 4,6% [36, с. 16].

Аналогичные проблемы обнаруживаются и в Белоруссии. Так, по данным МВД по г. Минску на 1998 г., различным формам насилия подвергалось 9528 человек, из них 3441 – женщины (36% от общего числа). Из них: 29% – случаи насилия со смертельным исходом, 10% – нанесение телесных повреждений, 35% – разбойные нападения, 26% – изнасилования и хулиганские действия. Однако, по детям и подросткам, переживших различные формы насилия, статистических данных по территории Белоруссии до сих пор нет. В 1999-2000 гг. при работе с библиотечными фондами в г. Минске нами не было обнаружено ни одной научной работы по интересующей нас области. Даже, несмотря на появляющиеся центры (например, социально-психологическая служба по предупреждению всех форм насилия над детьми при центре внешкольной работы Советского района г. Минска), общественные объединения (например, «Дети – не для насилия» г. Минск) и др., проблема остается не решенной в областных центрах. Ситуация эта усугубляется еще и тем, что психологи не владеют достаточными знаниями для работы с детьми и подростками при проведении судебно-психологических экспертиз по факту изнасилования или других форм сексуального насилия.

Собственно научным исследованием жестокости и насилия стали заниматься в процессе дифференциации научного знания представители различных отраслей психологии (А. Адлер, З. Фрейд). Особый всплеск научного интереса к проблеме насилия и жестокости наблюдается после ужасов второй мировой войны, вызывая активный интерес у различных специалистов. В этот период выходит ряд выдающихся работ западных исследователей: А. Басс (1963), А. Бандура (1973), Л. Берковиц (1970), Э. Фромм (1973) и др. Однако сам термин «сексуальное насилие», также как и понятия «агрессия», «жестокость» до сих пор не представляет собой конкретного научного определения.

В бывших странах распавшегося Советского Союза проблема сексуального насилия долгое время умалчивалась. И только в 1980 – 90-х годах, стали появляться исследования, посвященные сексуальному насилию. Так, в 1988 г. была защищена диссертация Л.П. Коньшевой «Судебно-психологическая экспертиза психического состояния несовершеннолетних жертв изнасилования», также работа О.Ю. Михайловой (1985) «Жестокость как правовая и нравственно-психологическая проблема». Работа И.А. Захарьевой «Психологические факторы виктимности несовершеннолетних жертв изнасилования» была защищена в 2000 году. Также за последнее время вышел в свет ряд статей следующих авторов: Н.К. Асанова,

С.Н. Ениколопов, С.В. Ильина, И.С. Кон, Н.В. Курасова, В.В. Нагаев, Т.Я. Сафонова, О.Ю. Михайлова, Н.Д. Ярославцева и др.

В теоретическом плане по проблеме насилия существенную помощь оказали работы российских авторов (Н.К. Асанова, В.Л. Васильев, С.Н. Ениколопов, А.И. Захаров, И.А. Захарьева, С.В. Ильина, С.М. Иншаков, И.С. Кон, Н.В. Курасова, О.Ю. Михайлова, В.В. Нагаев, А.А. Реан, Т.Я. Сафонова, Н.Ю. Синягина, В.Л. Ситников, Л.И. Смагина, Н.Д. Ярославцева). Из зарубежных публикаций следует выделить работы, где осуществлялась попытка дать определение и разграничить понятия «агрессия», «жестокость», «насилие» из психологической реальности в отдельное научное определение (Р. Бэрон, Д. Ричардсон, К. Бютнер, Г. Крайг, Д. Майерс, Дж. Мэнделл, Л. Дамон, Д. Ольвеус).

Изучение насилия, его причин и последствий сегодня выросло в самостоятельную проблему. Традиционно этот феномен интересовал ученых в контексте общих проблем человеческого существования. Его изучением в советской и постсоветской философии занимались А.А. Гусейнов, А.П. Назаретян. В советской и постсоветской психологии проблему агрессии и насилия изучают С.Н. Ениколопов, В.Г. Маралов, А.А. Реан, В.А. Ситаров и др.

Однако, исходя из результатов изученной по данному вопросу литературы, можно констатировать, что понятие «сексуальное насилие» в научном осмыслении «размыто», т.е. недостаточно четко определено, нет точной классификации видов сексуального насилия. Более того, на наш взгляд, изучение особенностей личности детей, перенесших сексуальное насилие «группы риска» (детей из приюта) как в России, так и в Белоруссии, недостаточно.

Таким образом, актуальность проблемы исследования определяется как теоретической значимостью, в связи с недостаточной разработанностью проблемы психологических особенностей личности детей «группы риска», переживших сексуальное насилие, так и прикладным значением изучения особенностей личности детей «группы риска», переживших сексуальное насилие, с целью оказания им психологической помощи и поддержки. А также оказание консультативной помощи работникам системы образования, взаимодействующих с данным контингентом детей.

1. ЛИЧНОСТЬ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ ЖЕРТВ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

1.1. Факторы, влияющие на виктимизацию личности ребенка

Многочисленные теории пытались объяснить жестокое обращение, определить психологические и психосоциальные факторы риска насилия над детьми. Отмечено, что насилие – это результат комплекса различных причин, в котором задействованы различные психологические и часто встречающиеся факторы, но степень их влияния при тех или иных формах насилия различна.

Ссылаясь на исследования зарубежных ученых, Н.К. Асанова выделяет следующие группы:

во-первых, психологические факторы риска родителей;

во-вторых, психологические факторы риска ребенка;

в-третьих, воздействие среды.

По нашему мнению, факторы риска родителей тесным образом связаны с воздействием среды. Так как сама семья, состоящая из родителей (родителя), является одной из составляющих той среды, в которой воспитывается и растет ребенок.

Авторы ранних исследований «синдрома избиваемого ребенка» (Е. Меррил 1962; Б. Стил, К. Полок, 1968) пытались определить поведенческие характеристики и личностные черты родителей, избивающих своих детей. Такие родители характеризовались как импульсивные, незрелые, ригидные, родители-тираны или хронически агрессивные, зависимые и нарциссические, отгороженные от семьи и друзей и испытывающие супружеские трудности.

В. Стил (1968) подчеркивал важность родительской идентификации с грубой отвергающей матерью, что является постоянным при злоупотреблении детьми. Большинство родителей, жестоко обращающихся с детьми, часто переживали жестокое физическое обращение, отвержение, депривацию и пренебрежение со стороны родителей в период своего детства [2, с. 28-29].

Во многих зарубежных исследованиях прослеживается сильная связь между физическим насилием и алкоголизмом, наркоманией. Показательно, что инцест наблюдался в семьях, среди которых было 35% алкоголиков (Ж. Гарбарينو, Д. Штерман, 1980; Ж.М. Левентхаль, 1982; М.С. Касимет, 1994). Авторами отмечено, что такие родители имеют низкую самооценку. Они теряют уверенность в своих родительских способностях, чувствуют себя неудачниками. Матери боятся быть покинутыми. Отец с отрицательным чувством самооценки может проявлять насилие в ярость, чувствуя себя отвергнутым [2, с. 28-30].

Отмечено также, что такая характеристика семьи, как «полная или неполная» представляется связанной с агрессивностью детей. Эта характеристика квалифицирует как раз те самые составляющие семейной обстановки, которые связываются со становлением агрессивности, – одни или оба родителя живут с ребенком под одной крышей, и каков характер отношений между ними [Цит. по: 5; с.93].

Несколько зарубежных исследований, проводимых с 1977 по 1985 гг., продемонстрировали зависимость между негативными взаимоотношениями в паре «родители – ребенок» и агрессивными реакциями со стороны ребенка.

Вопросы, связанные с проблемой сексуального насилия и особенностями развития детей позволяет отчасти прояснить теория привязанности, предложенная Дж. Боулби (1960-е гг.). В отличие от традиционного психоаналитического подхода, предполагающего доминирующую роль сознательных и бессознательных фантазий в протекании психической жизни ребенка, Боулби сосредоточил свое внимание на переживании детьми таких реальных событий, как сепарация и утрата близких. Под сепарацией он понимал ситуацию долговременной разлуки ребенка с матерью или другим замещающим лицом.

Теория привязанности считает потребность в близких эмоциональных отношениях специфически человеческой. Эта потребность присутствует уже у новорожденного и сохраняется до конца жизни. В младенчестве и детстве привязанность ребенка к родителям является залогом получения заботы; соответственно задача родителей – обеспечивать эту заботу своему ребенку.

Отношения привязанности, согласно Боулби, регулируются мотивационной системой, которая развивается в младенчестве и объединяет человека с другими приматами. Эта система отслеживает пространственную близость и психологическую доступность взрослого человека – объекта привязанности – и регулирует поведение привязанности по отношению к этому объекту. Пока индивид чувствует себя комфортно, и объект привязанности обеспечивает надежную основу его действиям, он в состоянии развивать исследовательское поведение, или игру, или иные виды социальной активности. Когда индивид испуган, его исследовательские цели уступают необходимости поиска спасения и защиты у объекта привязанности, особенно если индивид – это маленький ребенок. Таким образом, Боулби делает вывод о том, что привязанность становится заметной в условиях воспринимаемой угрозы. Поиск защиты у объекта привязанности должен обеспечивать потомству большую вероятность выживания [16, с. 91].

Одно из центральных понятий теории привязанности – понятие «рабочая модель», на основе которой происходит взаимодействие ребенка с миром. То, каким образом привязанность может выполнять свою защитную функцию, зависит от качества взаимодействия между индивидом и его

объектом привязанности. Рабочая модель включает модель себя и близкого человека (Я – Другой), при этом восприятие себя определяется тем, как меня воспринимает объект привязанности [11, с. 149]. А основной термин теории привязанности – «надежность» – описывает уверенность индивида любого возраста в том, что защищающая и поддерживающая фигура будет доступна и досягаема. При этом Боулби утверждал, что постоянное чувство безопасности и соответствующее возрасту ощущение собственной надежности ребенка нарушается, если рабочие модели, как его самого, так и родителей не приводятся в соответствии с его физическим, социальным и когнитивным развитием [16, с. 92]. Так, у надежно привязанного ребенка в прошлом – надежное, устойчивое и чуткое отношение со стороны матери; он склонен доверять другим людям, имеет довольно хорошо развитые социальные навыки. ненадежно привязанный или тревожащийся по поводу своей привязанности ребенок будет либо резистентным, либо избегающим. Такие дети несговорчивы и сопротивляются контролю. Проявляют физическую агрессию, импульсивны, для них характерны эмоциональные вспышки. И.С. Кон сообщает, что ненадежно привязанные дети оценивались своими сверстниками как участвующие в большем числе драк, чем надежно привязанные [19, с. 93-94].

Наряду с зарубежными (в частности с интерперсональными), отечественные теории отводят центральную роль в развитии взаимодействия взрослого с ребенком (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, М.И. Лисина, В.С. Мухина, Л.Ф. Обухова, Д.Б. Эльконин и др.). Депривация рассматривается как нарушение или несформированность у ребенка специфической человеческой потребности в общении. Согласно культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, развитие происходит в процессе интериоризации культурно-исторического опыта и социальных отношений. Взрослый выступает для ребенка в качестве носителя этого опыта и важнейшего исторического развития; только в постоянном контакте со взрослым возможна интериоризация как основной механизм развития. Этот контакт способствует формированию у ребенка потребности в привязанности к заботящемуся о нем взрослому. Л.С. Выготский считал задержки развития результатом депривации общения и контактов с внешним миром, вследствие чего потребность в общении не формируется или приобретает уродливые формы. Так, в качестве важнейшего условия развития ребенка Л.С. Выготский рассматривал социальную ситуацию его развития – «систему отношений между ребенком данного возраста и социальной действительностью».

М.И. Лисина писала о том, что потребность в общении и деятельность общения возникает у ребенка прижизненно и формируется одновременно, так как исходным пунктом обоих процессов является выделение ребенком из окружающей среды взрослого как особого объекта своей активности. Отсутствие значимого взрослого или дисфункциональные отно-

шения с ним снижают способность ребенка к интериоризации и эмоциональному развитию. Социальная ситуация развития превращается для ребенка в «ситуацию невозможности», приводит к задержкам эмоционального и интеллектуального развития и эмоциональным расстройствам.

Согласно В.Н. Мясищеву, богатство отношений с окружающим миром – главное условие нормального развития личности. Он считал, что степень деструктивности депривационных условий в значительной мере зависит от мотивационно-потребностной сферы, конституциональных особенностей, от наличия психических и соматических заболеваний. Он подчеркивал необходимость исследования ситуаций, которые можно рассматривать в качестве наиболее значимых источников депривации для данной конкретной личности.

В концепции В.С. Мухиной в качестве механизмов развития личности выделяются идентификация и обособление. Идентификация «отвечает» за социализацию, т.е. присвоение индивидом своей человеческой сущности, а обособление – за индивидуализацию, т.е. формирование и поиск собственной индивидуальности. Соответственно депривация обоих механизмов, неизбежная в определенных условиях, обязательно приводит к искажениям развития личности и самосознания.

Е.Т. Соколова показала, что при личностных расстройствах грубые нарушения самосознания выступают в виде неустойчивого, диффузного образа Я, деструктивного внутреннего диалога и являются последствием травматического опыта и нарушенных отношений со взрослым на ранних этапах онтогенеза. Лишение родительской любви в младенчестве и отроческом возрасте способствует развитию неутолимого эмоционального голода, существенно искажает формирующийся образ Я. Нестабильность и ненадежность эмоциональных отношений делает перцептивный, эмоционально-чувственный образ взрослого неконстантным, изменяющимся в восприятии ребенка от «тотально плохого» (отвергающего и наказывающего) к «тотально хорошему» (любящему и понимающему). Это расщепление отношений с другим человеком ведет к стойкой патологии межличностных отношений.

Б.С. Братусь считает способность к любви и привязанности родовой сущностью человека и основой нормального психического развития. Если развитие этой способности по каким-то причинам блокируется, то возникают различные личностные девиации [11, с. 155-157].

Роль ребенка в вопросе жестоком физическом обращении представляет также существенный интерес. Период младенчества и раннего детства, во время которого ребенок наиболее беспомощен и зависит от воспитывающих взрослых, бывает самым стрессовым временем для большинства родителей и особенно для тех, кто «склонен к злоупотреблению» [2].

В исследованиях таких зарубежных ученых, как Кигно, Бурке (1995); Винд, Сильверн (1994) отмечается, что дети с физическими и психически-

ми отклонениями также уязвимы для злоупотребления. Дети-инвалиды с видимыми физическими дефектами, врожденными аномалиями, умственной отсталостью или хроническими – психическими заболеваниями не только обременительны для родителей, но действительно рассматриваются нарциссическими родителями как символ их собственного поврежденного самоотражения. В некоторых исследованиях отмечается, что в обычной популяции детей распространенность умственной отсталости составляет 2-3%, а в популяции детей, подвергающихся жестокому обращению, эти цифры доходят до 20-40%.

Младенцы, родившиеся преждевременно и имеющие низкий вес при рождении, также занимают большое место в статистике жестокого физического обращения. Это можно объяснить тем, что такие младенцы обычно рассматриваются как «непривлекательные» и, как правило, более раздражительны, чем их нормальные сверстники. У них чаще отмечаются различные медицинские проблемы и задержки развития. Они часто требуют специальной техники кормления в связи с нарушениями питания. Их социальная неотзывчивость может быть особенно фрустрирующей для «склонных к злоупотреблению» родителей с большими надеждами в отношении своих детей. Длительная разлука между матерью и ребенком в ранний послеродовой период также препятствует нормальному развитию привязанности. (М.Х. Кланс, Ж.Х. Кенелл, 1970).

Ребенок может способствовать физическому насилию своей агрессивностью, гиперактивностью и импульсивным поведением, являющимся как правило, общим результатом плохого обращения. Гиперактивные дети более импульсивны и менее охотно выполняют правила. Это фрустрирует родителей, склоняет к насилию и фактически может привести к нему. Ребенок подражает насильственному поведению своих родителей, проявляя тот же самый тип агрессивности и возбудимости, чтобы предотвратить жестокое обращение по отношению к себе, и таким образом создается порочный круг плохого поведения и злоупотребления. Тот факт, что многие дети, подвергшиеся физическому злоупотреблению, оставшиеся без попечения родителей, сами «подстрекают» такое плохое обращение к ним и становятся «козлами отпущения» в воспитательных учреждениях, свидетельствует об их провоцируемости.

Нередко возникают сложности определения того, является ли плохое поведение результатом насилия или способствующим ему факторам. По данным национального исследования США, проведенного в 1988 г., оказалось, что почти у 25 % детей были трудности поведения в течение года до насилия. Но это же является и симптомом плохого родительского обращения [2, с. 32].

В свою очередь Л. Берковиц поддерживает позицию, в которой указывается на то, что мальчики чаще девочек становятся жертвами грубого обращения родителей в доподростковом возрасте, зато среди подростков

картина изменяется на противоположную. Так социолог Милдред Пагелу отмечает: «Родительская власть уменьшается по мере роста физической силы мальчиков. Однако по-прежнему остается относительно высокой для девочек. Похоже, что некоторые родители, чаще жестоко обращающиеся с сыновьями, будут направлять свою агрессию на ранее не привлекавших их внимание дочерей, т.к. мальчики становятся настолько большими, что оказываются способными дать сдачи» [3, с. 294-295].

Воздействие среды часто ассоциируется с низким социоэкономическим статусом семьи, жизненной неустроенностью, экономической нестабильностью. Д. Гил (1970) объясняет физическое насилие над детьми почти полностью социоэкономическими факторами. Случаи жестокого обращения отмечены и в семьях со средним и высоким экономическим статусом. Бедные родители, подвергавшие ребенка физическому насилию, чаще регистрировались муниципальными службами, в то время как родители со средним и высоким экономическим статусом чаще обращались с детьми к частным врачам. В своем обзоре Дж. Спинетта и Д. Риглер (1972) сделали заключение о том, что не доказано, будто средовые факторы выступают как единственные и достаточные для злоупотребления ребенком. Они находятся в тесном взаимодействии с личностными чертами родителей и предрасположенностью ребенка вызывать плохое обращение посредством увеличивающихся разногласий между ограниченными способностями родителя и потребностями ребенка в заботе (М.С. Касим, 1994).

Изучение средовых факторов риска в последние годы показало, что несовершеннолетние родители и родители до 21 года составляют особую группу риска и нуждаются в осуществлении специальных превентивных программ семейной поддержки. Важен не молодой возраст родителей, а те факторы, которые присутствуют в такой семье: тяжелая финансовая ситуация, неадекватные знания о ребенке, его развитии, более низкий уровень образования, плохая социальная поддержка.

В группу высокого риска, в отношении насилия над ребенком, входят и матери-одиночки, чему часто сопутствуют финансовая необеспеченность, отсутствие необходимой социальной поддержки. Для родителей группы риска свойственны социальная изоляция, плохой уровень информационного обеспечения, чувство одиночества. Авторами (Т.В. Винд, Л. Сильверн) также отмечается, что люди, подвергающие насилию детей, чаще вступают в драки друг с другом.

Национальное исследование США, проведенное в 1988 г., показало, что среди родителей, жестоко обращающихся с детьми, более высокий уровень стрессов в жизни и меньше информации о программах социальной поддержки, чем у нормальных родителей.

Исследования, проводимые в России, как уже отмечалось, хотя и не многочисленны, отличаются клиническим и медико-психологическим подходами. Научные коллективы, НИИ им. В.П. Сербского, занимающиеся

психопатологическими проблемами подросткового возраста, исходят из того, что сексуальная травма является лишь гранью большой социально значимой проблемы «Жестокость к детям». Она анализируется как социально-психологический феномен и как фактор хронической психогенной травматизации. Жестокость к детям обладает выраженным деформирующим воздействием на личность ребенка, нарушающим ее структуру, поведение и социальное содержание.

Как известно, человек является не только объектом и субъектом, но и жертвой социализации, а также жертвой неблагоприятных условий социализации.

В 1941 году немецкий криминолог Герберт фон Гентиг опубликовал статью «Замечания по интеракции между преступником и жертвой». Постепенно число последователей Г. Гентига стало увеличиваться. Это способствовало возникновению новой отрасли человеческого знания – виктимологии. Основные идеи, которой, сводились к следующему.

Во-первых, поведение жертвы оказывает существенное влияние на мотивацию преступного поведения. Оно может облегчать и даже провоцировать его. Напротив, оптимальное поведение может сделать невозможным преступное посягательство (либо свести его вероятность к минимуму или, по крайней мере, позволит избежать серьезных отрицательных последствий криминала).

Во-вторых, вероятность стать жертвой преступления зависит от особого феномена – виктимности. Каждая личность может быть оценена: насколько велика вероятность ее превращения в жертву преступления. Эта вероятность определяет виктимность человека (чем больше вероятность, тем выше виктимность).

В-третьих, виктимность есть свойство определенной личности, социальной роли или социальной ситуации, которое провоцирует или облегчает преступное поведение. Соответственно выделяются: личностная, ролевая и ситуативная виктимность.

В-четвертых, виктимность зависит от ряда факторов таких, как личностных характеристик; правового статуса должностного лица, специфики его служебных функций, материальной обеспеченности и уровня защищенности; степени конфликтности ситуации, особенностей места и времени, в которых эта ситуация развивается.

В-пятых, величина виктимности может изменяться. Процесс ее роста определяется как виктимизация, снижения – девиктимизация. Влияя на факторы виктимности, общество может снижать ее и тем самым воздействовать на преступность [15, с. 183-184].

В свою очередь А.В. Мудрик указывает на необходимость введения таких понятий, как виктимогенность, виктимизация и виктимность.

Виктимогенность обозначает наличие в тех или иных объективных обстоятельствах социализации характеристик, черт, опасностей, влияние

которых может сделать человека жертвой этих обстоятельств (например, виктимогенная группа, виктимогенный микросоциум и т.д.).

Виктимизация – процесс и результат превращения человека или группы людей в тот или иной тип жертвы неблагоприятных условий социализации.

Виктимность характеризует предрасположенность человека стать жертвой тех или иных обстоятельств. Но как отмечает А.С. Волович, здесь нужна оговорка. Буквально виктимность означает жертвенность, что традиционно понимается как синоним самоотверженности и т.п. Поскольку в нашем случае речь идет о людях, объективно или субъективно могущих стать жертвой, а не приносить себя в жертву кому-либо или чему-либо, поскольку виктимность правильнее трактовать с помощью нелогизма жертвопригодности [24, с. 10-22].

А Н.К. Асанова приводит следующее определение виктимизации. Виктимизация – (от лат. *Victima* – жертва) – процесс косвенного формирования для личности роли потенциальной жертвы в связи с соответствующими социокультурными особенностями жертвы, ее отношениями со специфической, чаще всего преступной средой, исполнением человеком определенной роли в преступлении (соучастник – свидетель), а кроме того, за счет его личных качеств (азартность, корысть и т.п.) и особенностей его характера (агрессивность, вспыльчивость и т.п.), поведения (наглость, трусость).

Объективными факторами виктимизации человека могут стать: природно-климатические условия той или иной страны, региона, местности, поселения; общество и государство, в которых он живет (от уровня социально-культурного развития общества и государственной политики); группа сверстников, особенно в подростковом и юношеском возрастах, если она имеет асоциальный, а тем более антисоциальный характер.

Наконец, фактором виктимизации человека любого возраста, но особенно младших возрастных групп, может стать семья.

По мнению А.В. Мудрика, склонность к асоциальному образу жизни, противоправному и (или) саморазрушительному поведению может передаваться по наследству. Кроме того, в семье может формироваться определенный тип жертвы, благодаря тем механизмам социализации, которые для нее характерны – идентификация, импринтинг и др.

Рассмотрев объективные факторы виктимизации, он отмечает, что на каждом возрастном этапе существуют опасности, столкновения, которые могут привести к тому, что человек становится жертвой неблагоприятных условий социализации. Так, в подростковом возрасте – это пьянство, алкоголизм, аморальность родителей; нищета семьи; ошибки педагогов и родителей; курение, токсикомания; изнасилование, растление; одиночество; физические травмы; травля сверстников; вовлечение в антисоциальные и

преступные группы; опережение или отставание в психосоциальном развитии; частые переезды семьи; развод родителей.

Эти идеи в какой-то степени подтверждаются исследованиями И.А. Захарьевой. В своем исследовании она пришла к заключению, что виктимность к изнасилованию, представляя собой предрасположенность при определенных обстоятельствах становится жертвой насилия, проявляется в виктимном поведении, в основе которого лежат индивидуально-психологические особенности личности и социально-психологические факторы социализации [12].

Немаловажно и то, каким образом личность предрасположена реагировать на невозможность реализации наиболее значимых для нее потребностей, на крушение идеалов и ценностей, т.е. то, каким образом она переживает, реализуя особую форму активности, критически жизненные ситуации. От этого зависит ее способность преобразовывать свой внутренний мир, переосмысливать свое существование, обрести благодаря переоценке ценностей осмысленность существования в изменившихся условиях [21].

В зависимости от этих особенностей, реальные жертвы того или иного типа могут воспринимать или не воспринимать себя таковыми. Субъективное восприятие себя жертвы – не жертвы определяется не только индивидуальными особенностями, но и отношением ближайшего окружения, в первую очередь, референтных групп, а также возрастными особенностями [21].

По Е.И. Цымбал, «установлено, что только к 4-5 годам физическое развитие ребенка достигает того уровня, когда он становится способным представлять сексуальный интерес для взрослого». Более того, отмечено, что дошкольный и подростковый возрастные периоды являются «возрастами риска» в отношении насилия. К 15-17 годам вероятность стать жертвой сексуального насилия снижается в четыре раза, к 18 годам – в десять раз.

Почему дошкольники и подростки становятся уязвимыми к насилию, что объединяет эти различные возрастные периоды?

По Л.С. Выготскому, прежде всего, оба этих периода являются критическими в развитии ребенка, причем с 4 до 16 лет это два основных кризиса, характеризующиеся формированием ряда новообразований: за короткий срок ребенок меняется весь в целом. Переживание кризиса дисгармонизирует личность маленького человека, делает его более сензитивным, хрупким, виктимным. Это само по себе может становиться провоцирующим фактором, ведь поведение ребенка к семи годам резко меняется: появляются манерность, капризность, обидчивость. Подобные изменения происходят и в период пубертатного кризиса. Ученые считают, что жестокое обращение или сексуальная травматизация в эти периоды, вероятнее всего, окажут более разрушительное воздействие, чем в период относительной эмоционально-личностной стабильности [24].

Таким образом, индивидуальные особенности, а также нормы и отношение ближайшего окружения могут приводить к тому, что человек

считает себя неудачником, несчастным и т.д., относится к себе как к жертве жизненных обстоятельств. Это может вести к тому, что его поведение и отношения с окружающими определяются подобным самоотношением, что, как минимум, усложняет его жизнь, а, как максимум, может привести к психическим и социальным отклонениям, т.е. превратить в реальную жертву [24].

Как отмечает В.А. Гурьева, в целом анализируемая область эмпирических исследований во многом по-прежнему носит описательный характер, несмотря на ее чрезвычайную социальную значимость. Привлечение внимания научной общественности к теме «Медико-психологическая диагностика конкретных ситуаций и случаев является только отправным моментом в анализе проблемы. Комплексное ее разрушение достигается на путях соединения усилий социальных работников, психологов, криминологов и специалистов детской подростковой психиатрии в разработке узловых вопросов более масштабной темы «Жестокость к детям» во всех ее социально-психологических и медицинских аспектах [2].

1.2. Возрастные особенности и психологическая травматизация личности подростка, пострадавшего от воздействия агрессивных намерений и действий

Б.Г. Ананьев, анализируя особенности развития современной науки, еще в 60-е годы прогнозировал резкое возрастание интереса к проблеме человека. По его мнению, основная из этих особенностей заключается в превращении проблемы человека в общую проблему всей науки [1, с. 8].

Проблема человека-жертвы неблагоприятных условий социализации не является абсолютно новой для некоторых отраслей человекознания. Так, например, криминология длительное время исследует причины противоправного поведения и способы борьбы с ним. Кроме того, в ее рамках существует специальный раздел – юридическая виктимология, которая изучает особенности людей, ставших жертвами тех или иных видов преступлений [21, с. 188-190].

Проблема сексуального насилия, как нам кажется, тесно связана с таким явлением нашего общества как социальный психотравматизм. Ядром его являются: деформация или утрата связей ребенка со средой, утрата смысла жизни, разрушение базовых ценностных ориентаций. Социальный психотравматизм рассматривается как совокупность явлений, характеризующих функциональное нарушение психики, приводящее к общей устойчивой дезадаптации. Наиболее распространенные формы проявления социального психотравматизма у подростков, по мнению Н.Г. Ломовой это: девиантное поведение; нарушение эмоционально-волевой сферы личности; психические расстройства [20].

В продолжение вышеизложенного утверждения З.А. Зимелева замечает, что предпочтение ребенком, подростком как неагрессивных, так и агрессивных моделей поведения является непосредственным отражением процесса социализации [13, с. 22-25].

Оценки частоты инцеста, детского насилия и других форм сексуального соблазнения колеблются от низких – 40 тыс. случаев в год до высоких – 400 тыс. случаев. Ретроспективные опросы взрослых показывают, что одна из пяти девушек и один из десяти мальчиков подвергались какой-либо форме сексуального злоупотребления или соблазнения в детстве. Сексуальному насилию подвергаются дети всех возрастных групп – от младенчества до юности [21, с. 78].

Р. Фон Краффт-Эбинг, один из классиков и основоположников научной сексологии и сексопатологии, писал в начале двадцатого века: «Лишь очень немногие люди вполне осознают могущественное влияние, оказываемое половой жизнью на чувства, мышление и поступки, как каждого отдельного человека, так и всего общества» [Цит. по: 19, с. 124].

Вопрос о влиянии насилия на личностное развитие ребенка – это прежде всего вопрос о времени, о возрасте ребенка, на который «попадает насилие». Установлено, что только к 4-5 годам физическое развитие ребенка достигает того уровня, когда он становится способным представлять сексуальный интерес для взрослого. Случаи сексуальных домогательств и физических нападений по отношению к детям более младшего возраста фиксируются достаточно редко [14, с. 65-74].

Сексуальное злоупотребление или сексуальное насилие в отношении детей рассматривается как особый вариант жестокого обращения с ними. Такие действия могут быть насильственными, а могут осуществляться и без применения силы. Однако в широком смысле насилием, преступлением считаются и сексуальные действия, производимые в отношении ребенка с его согласия, в случаях, когда малолетний не понимает их сущности (как правило, в возрасте до 9-11 лет) [22, с. 10].

По некоторым данным, наиболее часто жертвами сексуального насилия становятся, выражаясь языком юристов, малолетние и несовершеннолетние. Дети и подростки относятся к группе повышенного риска в силу таких возрастных особенностей психики, как подчиняемость, внушаемость, слабость оценки и прогноза, незрелость, недостаточность жизненного опыта и т.п. В то же время дети наиболее ранимы и чувствительны, поэтому пережитое злоупотребление приводит к серьезным последствиям, оказывающим воздействие на психическое состояние и дальнейшее развитие ребенка [22, с. 9].

По мнению А.Г. Осуховой, в настоящее время большинство исследователей сходятся в том, что результатами пережитых в отрочестве агрессии со стороны взрослых или сверстников, жестокого обращения, сексуального насилия становятся: нарушение Я-концепции, чувство вины, де-

прессия, трудности в межличностных отношениях, сексуальные дисфункции и самое главное – утрата доверия к себе и к миру [25, с. 86].

Подростковый возраст, отмечающийся С. Холлом, П.П. Блонским, Л.С. Выготским, Л.И. Божович, Т.И. Драгуновой и др., наиболее сложный период развития человека. Это остро протекающий переход от детства к взрослости, где выражено переплетаются противоречивые тенденции всего хода развития. В этот период сказываются внутренние трудности возраста, начиная с психогормональных процессов, и кончая перестройкой Я-концепции.

Я-концепция является динамичным психологическим образованием. По мнению А.А. Реана, формирование, развитие и изменение Я-концепции обусловлены факторами внутреннего и внешнего порядка. Социальная среда (семья, школа, многочисленные формальные и неформальные группы, в которые включена личность) оказывает сильнейшее влияние на формирование Я-концепции. Несмотря на то, что с возрастом все более весомым в развитии Я-концепции становится значение опыта социального взаимодействия в школе и в неформальных группах, в подростковом и юношеском возрасте семья как институт социализации продолжает играть важнейшую роль [30, с. 47].

По мнению В.А. Гурьевой, общий перечень последствий сексуальной травматизации детей структурируется, либо разделяя их на физические (венерические заболевания, тяжкие телесные повреждения), психологические (от фобий и ночных кошмаров до развернутых суицидальных повреждений) и социальные (трудности в межличностных отношениях, деликventность, проституция). Либо на кратковременные и долговременные (называемые «бомбой замедленного действия» и включающие хроническую депрессию, самодеструктивные тенденции, трудности функционирования в супружеской и родительской ролях) [8, с. 118-120].

Однако, как отмечают некоторые авторы, история дурного обращения с ребенком хотя и является значительным фактором риска возникновения многих серьезных эмоциональных, поведенческих и межличностных проблем, но не обязательно обрекает индивида на сложную судьбу.

Жестокое обращение представляет значительный фактор риска возникновения неблагоприятных последствий в развитии ребенка. Даже в пределах какого-либо определенного типа плохого обращения не существует стандартных признаков нарушений приспособления или психопатологии у таких детей. Действительно, некоторым детям даже удается хорошо справиться с ситуацией. По-видимому, многое зависит от факторов окружения, от индивидуальных факторов, от семейных факторов, а также возраста ребенка [2, с. 4].

На каждом этапе развития индивид должен выполнить особые, наиболее важные для данного возраста задачи. Каждая такая задача после ее появления имеет свое критическое значение для адаптации ребенка, хотя

ее важность снижается по мере возникновения новых задач. При оптимальном развитии ребенок успешно справляется с этапными проблемами и проходит весь путь повышения компетентности и адаптации. Т.е. более поздние умения строятся на основе более ранних. Окружение, подвергающее ребенка плохому обращению, может оказывать значимое негативное воздействие на его развитие, но существует много факторов, способных смягчить это воздействие. М. Раттер (1985) утверждает, что примерно у половины детей, подвергавшихся жестокому обращению и неблагоприятному влиянию, не развивается психопатологических симптомов [27, с. 92-93].

Уровень развития ребенка влияет на последствия жестокого обращения различным образом. Интерпретация и понимание детьми плохого обращения играют значительную роль в их приспособлении к нему. Насилие может принимать различные значения и смысл для детей, находящихся на разных этапах развития. Некоторые очень маленькие дети могут даже не знать, что они подвергались насилию (например, сексуальному злоупотреблению). Как отмечает Д. Финкельхор, они начинают осознавать смысл случившегося с ними, только когда становятся старше и лучше понимают социальные запреты и санкции, связанные с этим поведением.

Когнитивное развитие ребенка может по-другому влиять на его реакцию в отношении злоупотребления или пренебрежения. Мышление детей становится «децентрированным», когда они вступают на конкретный операционный этап мышления. Они признают, что другие могут обладать как положительными, так и отрицательными чертами, и что они сами могут испытывать одновременно положительные и отрицательные чувства по отношению к другим. Достижение этого этапа развития может способствовать возникновению у ребенка чувства полной амбивалентности по отношению к насильнику, что ведет к еще большему смущению и противоречивым чувствам.

Также Дж. Пирс в докладе на первой Московской международной конференции «Службы психического здоровья в раннем развитии ребенка» утверждает, что хороший и стабильный уход увеличивает шансы на возникновение привязанности к родителям, основанной на чувстве безопасности, которая может, в свою очередь, послужить значительным компенсаторным фактором для тех детей, которые впоследствии подвергаются насилию. У детей, внутренняя рабочая модель которых характеризуется базовым доверием к людям, это доверие может не быть серьезно подорвано действиями обидчика, особенно если насилие ограничено во времени и совершено человеком, не имеющим особенно близких взаимоотношений с ребенком. Такие дети рассматривают насилие как несчастный случай, говорящий больше о том, что конкретный обидчик недостоин доверия или даже опасен, а не о том, что все люди плохие. Следовательно, способность этих детей образовывать здоровые и близкие взаимоотношения с другими может не подвергнуться пагубному влиянию, хотя они могут проявлять

некоторые локализованные симптомы, связанные с тревогой. Это сохранившееся доверие к другим может увеличить шанс, что дети обратятся за помощью и поддержкой с проблемами, связанными с насилием. Кроме того, дети, имеющие привязанность, характеризующуюся чувством защищенности, могут не испытывать такой угрозы для их самоуважения, как дети, всегда чувствовавшие себя недостойными, несоответствующими и заслуживающими плохого обращения. Привязанность с чувством защищенности влияет на развитие речи, а также на склонности и способности к учебе. Эти способности дают детям возможность выражать чувства здоровыми и адаптивными способами и обеспечивают дальнейшее подтверждение сильных сторон их личности, их способностей и умений.

Влияние плохого обращения могут умерить и другие аспекты выполнения родительских обязанностей и семейной поддержки. Семейная поддержка – важный регулирующий фактор последствий сексуального насилия в отношении детей. Поддержка, оказываемая семьей, представляется очень важной для приспособления детей практически ко всем видам травм. Эта связь может объясняться многими механизмами. Через явление «социального соотнесения» маленькие дети воспринимают от лиц, ухаживающих за ними, подсказки, как реагировать на ситуации потенциальной или актуальной угрозы. Родители могут передать ребенку свою собственную тревогу в отношении насилия, повышая страх и тревогу ребенка [27, с. 94-99].

Как уже было отмечено в предыдущем параграфе, факторы, которые существенно могут повлиять на развитие ребенка – это факторы окружения. Специалисты, занимающиеся психическим здоровьем детей, ранее были склонны игнорировать эти переменные, несмотря на их важность для приспособления ребенка и семьи. Широкие социальные факторы, такие, как бедность, представляют значительный риск для развития ребенка вообще. Более определенные факторы, например, негативная реакция со стороны общественности (например, сверстники или соседи) на рассказ ребенка о насилии, обостряют чувство «позорного клейма». Система уголовного правосудия, не удовлетворяющая и не учитывающая потребности детей-свидетелей, может породить чувства бессилия и стигматизации. К.А. Кендл-Тейкет и др. (1993) провели обзор исследований, относящихся к поведению детей – жертв сексуального насилия – в суде, и нашли, что приспособляемость детей ухудшается, когда судебные дела не разбираются быстро или когда дети вынуждены давать свидетельские показания несколько раз. Дети, испытавшие страх перед обвиняемым, также плохо приспособлялись. Хотя эти особые условия и играли роль потенцирующих факторов, одна и та же переменная (например, дача свидетельских показаний в суде) может играть роль компенсаторного фактора при наличии нескольких других обстоятельств [27, с. 99].

Сексуальное злоупотребление по-разному влияет и на формирование основных психических новообразований личности жертвы. Самосоз-

вание является необходимым условием существования личности. Без него нет личности. Личность осознает не только окружающую действительность, но и саму себя в своих отношениях с окружающим. Нельзя не согласиться с мнением С.Л. Рубинштейна, отмечая, что изучение личности «завершается раскрытием самосознания личности». Становление самосознания включено в процесс становления личности, и поэтому оно не надстраивается над ней, а является одним из компонентов личности.

Решающий этап в развитии самосознания связан с формирующейся у ребенка полоролевой идентичностью, т.е. отнесение себя к полу и осознание содержания половой роли. Ведущим механизмом усвоения половой роли является идентификация, т.е. уподобление себя в форме переживаний и действий другому лицу.

Ведущая функция самосознания – это саморегуляция поведения личности. Именно совокупность представлений о себе и оценка этих представлений представляет психологическую основу поведения личности. Человек в своем поведении может себе позволить ровно столько, насколько он знает себя. Эта формула в значительной мере обуславливает самодостаточность личности, степень ее уверенности в себе, независимость от других, свободу в поведении и осознание ограничений этой свободы [1, с. 82-86].

По позиции Е.Т. Соколовой осознание человеком своей телесной сущности (что обычно включает осознание схемы тела, внешности и половой принадлежности) представляет собой такой же познавательный процесс, что и познание (отражение) объектов внешнего мира и других людей. Этот процесс всегда опосредован потребностями, отношениями субъекта как личности, в силу чего самосознание является сложным динамическим единством знания и отношения, интеллектуального и аффективного. Ссылаясь на свои ранние исследования, Е.Т. Соколова отмечает, что потребности, аффективные состояния могут прямо проецироваться в процессе восприятия, что обычно происходит в условиях грубого нарушения самоконтроля и саморегуляции, а также при определенной (умеренной) интенсивности самого потребностно-аффективного состояния [33, с. 6].

Обнаружена тесная связь между переменными Я-концепции и формами телесного опыта. Так, ссылаясь на исследования зарубежных ученых, Е.Т. Соколова придерживается мнения о том, что возникновение чувства целостности собственного тела, четкости и определенности его границ тесно связано с периодически возникающими циклами сомато-сенсорной стимуляции, идущей от матери на ранних этапах симбиоза с младенцем. Неспособность к интеграции этой стимуляции приводит к недоразвитию чувства целостности и ограниченности собственного тела, а также к появлению различных перцептивных и когнитивных нарушений. В дальнейшем такого рода нарушения оказывают сильное воздействие на все последующее развитие Я [33, с. 14-15].

Направления в области изучения осознания человеком своей телесной сущности представлены двояко: во-первых, исследования образа тела и его связи с Я-концепцией исходит из представления о теле как своеобразном хранилище Я, обладающем более или менее определенными субъективными границами. Во-вторых, направление, где основной объект исследования – «внешность». Также в самом этом направлении выделяются два подхода. Представители первого делают акцент на эмоциональном отношении к собственной внешности. Второй опирается на исследование когнитивного компонента и отвечает на вопрос: «Насколько точно субъект воспринимает свое тело?» [33, с. 15-16].

Так, в одном зарубежном исследовании, где принимали участие около 1000 мужчин и 1000 женщин при классифицировании 12 частей тела, обнаружилась значимость у мужчин таких частей, как половой член, яички и язык. Эта оценка не зависела от возраста, лишь у старых людей несколько снижалась оценка половых органов. У женщин оценки оказались менее определенными, лишь у тех, кому было за 70, язык стабильно оказывался на первом месте [33, с. 16].

Одной из важных составляющих, определяющих поведение жертвы (потерпевших) в криминальной ситуации, является уровень их психосексуального развития.

Само психосексуальное развитие включает в себя три этапа. Первый этап – это этап формирования полового самосознания. Обычно он развивается от рождения до 3-5 лет. По мнению А.А. Кирпиченко в 5 лет половое самосознание прочно формируется и изменить его нельзя. В 1,5 года ребенок осознает разделение полов и себя относит к одному из них [18, с. 11]. Второй этап – это этап формирования полоролевого поведения. Он развивается в период от 3-5 до 10-12 лет. Ребенок осваивает стиль поведения взрослых той микросоциальной сферы, которая его окружает, обычно это семья. В точности повторяя взаимоотношения отца и матери и других взрослых членов семьи [18, с. 12]. Третий этап – формирование психосексуальной ориентации (полового влечения) – развивается в возрасте от 10-12 до 18-25 лет. Он начинается у девушек с возникновением первой менструации и раньше; с первого семяизвержения и раньше – у мальчиков. Возникает ряд стадий формирования психосексуальной ориентации. Первая стадия называется романтическая (платоническая). Происходит идеологизация при выборе объекта полового влечения, это – первая любовь. Уже на этой стадии появляются признаки половой дифференциации. У мальчиков проявляются характерные сексуальные ухаживания.

Вторая стадия называется эротическая, проявляется у юношей стремление к ласкам, объятиям, поцелуям, но без полового акта. У девушек эротическая стадия длится долго. Иногда на эротической стадии и заканчивается их развитие. У юношей вторая стадия протекает быстро, в то время как у девушек психологически зафиксировано ухаживание на эротиче-

ской фазе. И когда у юношей появляется стремление к изнасилованию, она не понимает, зачем это нужно, если можно обойтись и без полового акта.

Третья стадия называется сексуальной. Она быстро развивается у юношей, т.к. оргазм, возникающий в этой фазе, закрепляет всю функциональную систему, и чем она больше, тем меньше сбоев. У девочек, сексуальная фаза развивается медленно, потому что:

- менструации не связаны с оргазмом, иногда болезненны;
- возможность полового акта сопровождается боязнью лишения девственности;
- возникает боязнь забеременеть;
- возможны осуждения окружающих.

Оргазм у девушек появляется при первом половом акте в том случае, если она ранее занималась мастурбацией. В случае недоразвития эрогенных зон у женщины, правильное развитие этих зон зависит от постоянных ласк мужчин. Так как мужчина считает, что женщина не должна отказываться от полового акта, та идет с ним до уровня эротических ласк. Таким образом, появляется большое число изнасилований, где 50% случаев действия девушек являются провокационными.

Четвертая стадия – зрелая сексуальность. Для нее характерно развитие условного физиологического сексуального ритма.

Пятая стадия – инволюционная, когда сексуальные функции начинают постепенно увядать [18, с. 13-14].

Таким образом, постепенная смена стадий (романтической, эротической, сексуальной) в подростковом возрасте у мальчиков и девочек будут зависеть от таких факторов, как особенности созревания организма каждой личности (акселерация, ретардация), социальной ситуации развития, особенностей интеллектуальных и личностных характеристик.

Выделенные выше факторы, по нашему мнению, обуславливают осознание жертвой характера и значения совершаемых с нею действий. В этом плане перспективной для нашего исследования представляется позиция профессора В.Л. Васильева. В свою очередь, он отмечает, что способность понимать характер и значение происходящего предполагает достаточную сформированность высших психических образований личности – самосознания, иерархии нормативно-ценностной структуры, способности к эмпатии, развитых критических и прогностических способностей, коммуникативных навыков, правового и нравственного сознания и др. [6, с. 518].

Ссылаясь на мнение М.А. Догадиной и др., В.Л. Васильев придерживается следующей позиции.

1. Возраст до 7 лет соответствует первому этапу психосексуального развития.

В это время происходит формирование полового самосознания – в первую очередь складывается правильное представление о своей половой принадлежности, к 3-4 годам дети могут дифференцировать окружающих

по внешним половым признакам (одежде, внешнему виду, строению тела и половых органов, тембру голоса и др.). Затем появляется любопытство, направленное на половые органы, на поведение животных и людей с констанцией элементов сексуального взаимодействия, они спрашивают у взрослых о строении тела, деторождении, супружестве, играют в игры, имитирующие сексуальное взаимодействие, – «в семью», «в доктора», нередко подобные игры сопровождаются раздеванием, демонстрацией и разглядыванием половых органов. Криминальную ситуацию в этом возрасте дети могут оценивать как игру или наказание. Будучи потерпевшими (жертвами), они способны воспринимать лишь внешнюю, формальную сторону событий и не понимают ни характера, ни значения совершаемых с ними действий.

2. Возрастной период 7-13 лет соответствует второму этапу психосексуального развития, стержневой характеристикой которого является формирование стереотипа полоролевого поведения ребенка на основе его психофизиологических особенностей и стереотипов мужественности и женственности, господствующих в микросоциальном окружении. В это время около половины детей получают информацию о половом акте, не менее трети принимают участие в сексуальных играх с детьми противоположного пола, наблюдается разделение детей по половому признаку, таким образом, вырабатывается, дифференцируется и усваивается мужской и женский половой стереотип. В зависимости от степени сформированности полоролевого поведения жертвы (потерпевшей) можно сделать вывод о ее способности понимать характер и значение совершаемых с ней действий. Незавершенность формирования второго этапа приводит к выводу о способности такой потерпевшей понимать только характер, фактическую сторону совершаемых с нею действий, понимание значения действий виновного для нее недоступно.

3. Третий этап психосексуального развития характеризуется формированием психосексуальной ориентации и сопровождается последовательной сменой стадий платонического, эротического и сексуального полового влечения [6, с. 516-517].

Ссылаясь на мнение С.Н. Ениколопова, следует отметить, что при анализе данных по изучению полового самосознания в литературе существует проблема соотношения терминов «половой или сексуальной» и «полоролевой или гендерной» идентичности. Смешение этих терминов проявляется на методическом уровне, когда сходные феномены описываются с помощью различных методов. Более того, существует проблема и на методологическом уровне, когда одним и тем же термином обозначаются различные структуры полового самосознания, различающиеся по своей глубине, доступности осознания, возможности изменения непосредственной ситуации. Поэтому приближение к методологическому решению этой про-

блемы может быть рассмотрение половой идентичности с позиции методологии Я-концепции [9, с. 110].

Большое количество работ по данной проблеме доказывает важность и значимость исследований полового самосознания, с одной стороны. И неудовлетворенность объяснительными и прогностическими функциями существующих теоретических моделей – с другой. В первую очередь, это касается неспецифичности обнаруживаемых признаков (криминального, девиантного, адаптивного поведения). По мнению С.Н. Ениколопова, причиной данных трудностей является ограниченность методологических подходов, акцентирующих внимание на вопросе становления гендерных и сексуальных структур самосознания. И далее продолжает: «Пути их преодоления лежат в привлечении динамических моделей самосознания, объясняющих роль не только онтогенетически сформированных predispositions личности, но и ситуационных факторов в регуляции различных форм поведения» [9, с. 109].

Как нам кажется, данная тема не может не затрагивать понятия «состояние». Независимо от возраста жертва насилия находится в определенном психическом состоянии, которое оказывает специфическое воздействие на личность в целом.

За словом «состояние» могут скрываться весьма различные проявления жизни людей. Слово «состояние» означает:

1. Состоять.
2. Положение, в котором кто-нибудь или что-нибудь находится.
3. Физическое самочувствие, а также расположение духа, настроение.
4. Звание, социальное положение (устар.) [26, с. 8].

Начало общепсихологическому исследованию психических состояний было положено работами Б.Г. Ананьева, выделившего психическое состояние в качестве «более высокого уровня интеграции» индивидуальной психики, образующегося в качестве «сложного ансамбля» объединенных психических процессов, которому присущи свойства целостности и единства. В самом общем виде проблема психического состояния как «общий функциональный уровень», своего рода «фон», на котором разворачиваются процессы. Н.Д. Левитов впервые выделил психическое состояние в качестве самостоятельной психологической категории: «Психические состояния – это целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующих состояний и психических свойств личности... Всякое психическое состояние есть нечто целостное, своего рода синдром...». Данное определение включает и задает все возможные парадигмы изучения психических состояний – и в плане их относительной устойчивости и сложности строения [17, с. 41].

Психические состояния вызваны, поддерживаются и регулируются эмоциями; они обусловлены витальными, социальными, когнитивными потребностями и предметной ситуацией, средой (внешнего и внутреннего бытия организма). Предметность эмоций лишь опосредованно выявляется в переживаниях, мотивации. По состоянию эмоций выдается непосредственная и экспрессивная оценка значимых событий. Эмоции организуют (или дезорганизуют) жизнедеятельность. Опыт (его схема) закрепляется эмоциональным возбуждением, особенно в экстремальных состояниях. Эмоции мобилизуют и синтезируют, предвосхищают и изобретают состояния. Прежде всего, эмоциями возгораются ассоциации, рождаются образы, идеи, фантазии. Более того, в эмоциях коренится тип личности и ее темперамент.

Следует отметить также и то, что в отечественных публикациях поддерживается формула оценки субъектом своего эмоционального состояния на основе оценки потребности. Информация о средствах и времени, необходимых для удовлетворения потребности, которой располагает человек в данный момент, может вызывать отрицательные эмоциональные состояния (при низкой вероятности удовлетворения), либо положительные эмоции (при увеличении вероятности удовлетворения). Однако, это формула оценки эмоций самим субъектом, а не формула генезиса функций эмоциональных состояний [26, с. 14].

Рассмотрение интересующего нас вопроса с позиции состояния обусловлено тем, что жертву сексуального насилия, как правило, захлестывают сильные эмоциональные переживания, иногда болезненные и пугающие, осложняющие диалог с самим собой, а также отношения с другими.

И.А. Захарьева, рассматривая особенности виктимной личности, выделяет следующие основные особенности личности несовершеннолетних, подвергшихся изнасилованию:

во-первых, это отдельные особенности развития самосознания: неадекватная самооценка, искажение образа Я;

во-вторых, несформированность ценностно-ориентировочной сферы, связанная с возрастными особенностями и деформированностью мотивационно-потребностной сферы и проявляющаяся в незрелости социальных и других установок;

в-третьих, характерологические особенности (социальная робость, подозрительность, конформность, неуверенность в себе, экстернальность, агрессивность);

в-четвертых, особенности эмоционально-волевого реагирования, обусловленной повышенной невротичностью, напряженностью, депрессивностью, раздраженностью, высокой эмоциональной лабильностью и влияющие на формирование дезадаптации личности;

в-пятых, амбивалентность чувств к родителям, особенно к отцам, обусловленная неадекватным родителеванием: эмоциональной деприацией, автономностью родителей, непоследовательностью и враждебно-

стью отцов, воспитание либо по типу «заброшенного ребенка», либо открытая или скрытая гиперопека; страхом столкнуться с непониманием и психическим насилием; чувством незащищенности, ненужности, равнодушия; акцентом родителей на важности первичных актуальных способностей, особенно на чрезмерном требовании послушания [12, с. 18-19].

Таким образом, как видно из вышеизложенного происходит поражение практически всех структур личности жертвы сексуального насилия. Однако возникает вопрос: что является механизмом данного поражения?

По нашему мнению, механизмом такого поражения является то состояние – состояние переживания, в котором оказывается личность. Исходя из этого, возникает проблема исследования переживаний таких личностей.

Таким образом, исходя из анализа психологической литературы по данному вопросу, можно сделать вывод о том, что ни одна возрастная группа людей (детей, женщин, мужчин) не защищена от сексуального насилия, а тем более от отрицательных переживаний при получении первого сексуального опыта.

Более того, именно для современной эпохи становится характерным то, что в экстремальных, точнее сказать – кризисных, психических состояниях оказываются дети. И данные состояния возникают не только в условиях боевых действий, чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствиях, но и в таких, казалось бы, «безобидных», тем не менее, тоже критических ситуациях, как напряженная семейная среда, жестокость, насилие.

2. ОПИСАНИЕ И АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИЗУЧЕНИЯ Я- ТЫ-ОБРАЗОВ ПОДРОСТКОВ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ АГРЕССИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ И ДЕЙСТВИЙ

2.1. Результаты исследования особенностей структуры Я-образов в сознании подростков, переживших сексуальное насилие

Отмечается, что гендерные характеристики, определяющие половые особенности человека, являются одними из ключевых в самосознании подавляющего большинства людей (как, впрочем, и всего животного мира). Именно они обеспечивают правильную половую идентификацию, способствующую адекватной самореализации и продолжению рода [32, с. 157]. Не вызывает сомнения влияние на половое самоопределение подростков своих сверстников, особенно на психосексуальное развитие. По результатам исследования В.Л. Ситникова, сверстники своего и противоположного

пола играют серьезную роль в формировании у детей представлений о себе и окружающих людях. Более того, особенности представлений детей о своих сверстниках практически не исследованы [32, с. 176]. Позиция эта усугубляется еще и тем, что в подростковом возрасте формируется сексуальная сфера, которая включается в гендерные характеристики, но не отождествляется с ними. Нам стало интересно рассмотреть Я-образ подростков, которые пережили сексуальное насилие.

Восполнить данный пробел мы попытались с помощью методики СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая), разработанной В.Л. Ситниковым. Применяя эту методику, мы собрали вербальную, т.е. в той или иной степени осознаваемую респондентами информацию.

Изучая Я-образ подростков, пострадавших вследствие сексуального злоупотребления с помощью методики диагностики СОЧ(И) мы предположили, что могут быть обнаружены существенные различия между мальчиками и девочками. Для проверки данного предположения при помощи t-критерия Стьюдента был проведен анализ различий структуры образов подростков. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Достоверные различия Я-образов подростков

Подростки	в	д	и	ис	к	п	с	т	э	м	+	=	-
М			0,05										
Д								-0,01					

Как видно из таблицы достоверные различия наблюдаются у мальчиков по характеристике интеллектуально-творческой сферы личности. Скорее всего, эта выраженность будет идеальной, а не реальной. Нам кажется, что в силу завышения самооценки мальчики-жертвы нападения неосознанно отвергают физическую силу, и в противовес этому отдают предпочтение такой характеристике, как ум. Это похоже на замещение, которое очень распространено в практике взаимодействия подростков («физически не привлекателен, но умен»). Это связано, по нашему мнению, и с недостаточным осознанием подростка самого себя, и той ситуации в которой он оказался.

У девочек же до противоположности наоборот. Достоверность различий отмечается по телесно-физическим характеристикам. Мы думаем, что это связано с возрастными особенностями. По мнению А.А. Реана, именно в этот возрастной период, когда происходят важнейшие преобразования в организме, когда внешний облик подростка и его физические черты начинают сильно волновать подростка, тогда соответствие физического развития ребенка стандартам, принятым в группе его сверстников, становится определяющим фактором в его социальном признании, поло-

жении в группе [28, с. 94]. В рамках половых различий Я-концепция девушек сильнее коррелирует с оценкой привлекательности своего тела, чем с оценкой его эффективности. У юношей, наоборот, ведущим критерием самооценки является эффективность тела. И эта зависимость во многом объясняется социально-ролевыми функциями мужчин и женщин [28, с. 94].

Однако направленность на свой физический облик у девушек может быть сопряжен не только с возрастными особенностями, но и с ситуативными, в частности с ситуацией насилия. После его воздействия девушки могут осознавать, что собственное тело становится не только их достоянием, но и достоянием других. Поэтому могут возникать ощущения отделения своего тела от мыслей. Психологи-ученые такое состояние называют диссоциацией. Суть его заключается в выключенности (безразличии ко всему), как правило, кратковременной. Но если, по утверждению Н.Д. Ярославцевой, подросток не сможет найти более конструктивных способов адаптации и не выработает другой защитный механизм, это может повлечь к большим проблемам личностной сферы. Более того, тело может стать «орудием» в сексуальных контактах для удовлетворения некоторых потребностей самой девушки. Например, физиологических: в пище, в удовлетворении половой страсти; социальных: потребность быть значимой в группе сверстников, не быть «белой вороной» и т.д.

Что касается достоверности различий мальчиков и девочек в описания друга, то здесь они не обнаруживаются. А вот в описании недруга как раз отмечаются (табл. 2).

Таблица 2

Достоверные различия Ты-образов подростков

Подростки	в	д	и	ис	к	п	с	т	э	м	+	=	-
М										0,05			
Д	-0,05			-0,05			-0,05		-0,05				

Как видно из таблицы достоверные различия у мальчиков и девочек по недругу не совпадают. В описании недруга у мальчиков достоверные различия присутствуют лишь по метафорической характеристике. По мнению В.Л. Ситникова это связано с тем, что мужчины в целом хуже владеют вербализацией своих мыслей. Поэтому при описаниях испытывают больше затруднений и вынуждены чаще прибегать к метафорам [32, с. 165].

У девочек достоверность различий отмечается по четырем характеристикам. А именно: личностно-волевой, социальный интеллект, особенности поведения личности как субъекта взаимодействия, эмоционально-личностной характеристики. В принципе эти данные согласуются с результатами полученными в предыдущих исследованиях, проведенные под руководством В.Л. Ситникова, где на первый план выступают социальные, эмоциональные, и волевые (правда, после телесных) характеристики.

Далее мы заинтересовались вопросом об идентификации с другом или недругом мальчиков и девочек, переживших сексуальное насилие. Для этого мы воспользовались двухвыборочным t-критерием Стьюдента.

Таблица 3

Достоверные различия образов подростков-жертв сексуального насилия

Пол	Образы	в	д	и	ис	к	п	с	т	э	м	+	=	-
Мальчи-ки	Я-реальный/друг													
	Я-реальный/недруг													
Девочки	Я-реальный/друг													
	Я-реальный/недруг									0,05		0,01	0,01	-0,01

Сравнение образов внутри каждой группы показывает, что только у девушек и в паре «Я-реальный/недруг» есть структурно-компонентные различия. Эти различия отмечаются и по модальности характеристик. На наш взгляд, девушки дают себе больше положительные или нейтральные характеристики, а вот недруга описывают только отрицательно.

У мальчиков по этому блоку исследования достоверных различий не выявлено. Возможно, это связано с недостаточной представленностью выборки. Однако, как нам кажется, для того контингента подростков, которую изучали мы, – это явилось особенностью. Не исключен также и тот вариант, в котором предлагается более тщательное и дополнительное исследование по мальчикам.

2.2. Различия в описаниях Я-образов у подростков-жертв сексуального насилия с воспитанниками школы-интерната

Изучая Я-образ подростков, переживших сексуальное насилие, мы попробовали сравнить полученные результаты с результатами подростков воспитанников школы-интерната, подвергнув эти результаты математико-статистической обработке через t-критерий Стьюдента. Нас интересовал вопрос о существенных различиях между респондентами, в связи с их нахождением в различных условиях.

Разделив их в первую очередь по половому признаку, а во-вторых, по условиям существования, происходило сравнение мальчиков с мальчиками, а девочек с девочками. Используя результаты методики СОЧ(И), наметились следующие существенные различия (таблица 4).

Достоверные различия Я- образов подростков

Подростки	в	д	и	ис	к	п	с	т	э	м	+	=	-
М1							0,01						
М2								-0,01					
Д1													
Д2	-0,05		-0,05										

Примечание:

М1 – мальчики-подростки, пережившие сексуальное насилие

М2 – мальчики-подростки, воспитанники школы-интерната

Д1 – девочки-подростки, пережившие сексуальное насилие

Д2 – девочки-подростки, воспитанницы школы-интерната

Как видно из таблицы, у мальчиков из школы интерната в Я-образе выражены телесные характеристики. А у мальчиков, подвергавшихся сексуальному насилию – социальные.

У девочек контрольной группы в описании Я-образа выражены волевые и интеллектуальные характеристики. А вот у девочек опытной группы наоборот, выражения каких-либо характеристик не отмечается.

В принципе, такие характеристики Я-образа как социальные и телесные уже отмечались в исследованиях, проведенных под руководством В.Л. Ситникова. В данном случае это еще раз подтверждает предыдущие исследовательские работы. Что же касается девушек, переживших сексуальное насилие, то здесь, на наш взгляд, нужно еще более тщательное изучение.

2.3. Различия в описаниях Я-образов у подростков-жертв сексуального насилия с подростками общеобразовательных школ

Рассматривая Я-образ подростков, переживших сексуальное насилие, логично было бы сравнить с Я-образом подростков общеобразовательных школ. Как и в предыдущем параграфе, полученные данные подвергнули математико-статистической обработке (табл. 5).

Заметно, что достоверные различия в диаде мальчик-мальчик отмечаются по деятельностной ($p < 0,05$) и эмоциональной ($p < 0,01$) характеристикам лишь у подростков, переживших сексуальное насилие.

А в диаде девочка-девочка отмечаются различия и в первой группе подростков и во второй. Так в первой, т.е. в экспериментальной группе отмечаются различия по деятельностной ($p < 0,05$) характеристике. Тоже в принципе характерно и для мальчиков экспериментальной группы. Эти результаты схожи с результатами исследований, проведенных под руководством В.Л. Ситникова, где на первый план выступают различия по деятельностной характеристике. Для второй группы девочек различия досто-

верны по социальному интеллекту и интеллектуально-творческой характеристике ($p < -0,05$). На наш взгляд это связано с тем, что у подростков – учащихся общеобразовательных школ, по сравнению с подростками, подвергавшихся сексуальному насилию, в анамнезе отмечаются более благоприятные семейные условия для развития интеллекта. Как раз именно это условие является одним из значимых в развитии детей и подростков. В связи с этим, а может быть и по причине того, у девочек-жертв сексуального насилия отсутствуют такие способности, как определение успешности оценки и прогнозирования поведения людей. Что и делает их в принципе доступными для посягательства на половую неприкосновенность.

Таблица 5

Достоверные различия Я- образов подростков

Подростки	в	д	и	ис	к	п	с	т	э	м	+	=	-
М1		0,05							0,01				
М2													
Д1		0,05											
Д2			-0,05	-0,05									

Примечание:

М1 – мальчики-подростки, пережившие сексуальное насилие

М2 – мальчики-подростки общеобразовательных школ

Д1 – девочки-подростки, пережившие сексуальное насилие

Д2 – девочки-подростки общеобразовательных школ

2.4. Различия в описаниях Ты-образов у подростков-жертв сексуального насилия с воспитанниками школы-интерната

Как отмечает В.Л. Ситников, каждый ребенок осознает себя и любого другого ребенка через призму пола. Это осознание пронизывает все существование ребенка и конечно отражается в его представлениях о себе и других людях. Пол человека, и свой собственный, прежде всего, является своего рода пусковым механизмом для формирования схемы образа человека, для оценки его личности и поведения [32, с. 184].

В силу того, что для подростков становятся значимыми сверстники, нам стало интересно соотнести представления о них (друга и недруга) в сознании тех подростков, которые стали жертвами злоупотреблений.

В описании друга, как видно из таблицы 6 достоверные различия в диаде мальчик-мальчик обнаруживаются только по телесной характеристике, да и то в сторону подростков школы-интерната. В отношении девочек опытной группы отмечаются различия по половой характеристике. В принципе, по нашему мнению, это и является тенденцией данной выборки.

В описании недруга подростками тоже наметились некоторые различия (табл. 7).

Таблица 6

Достоверные различия Ты-образов (друг) подростков

Подростки	в	д	и	ис	к	п	с	т	э	м	+	=	-
М1													
М2								-0,05					
Д1						0,01							
Д2													

Примечание:

М1 – мальчики-подростки, пережившие сексуальное насилие

М2 – мальчики-подростки, воспитанники школы-интерната

Д1 – девочки-подростки, пережившие сексуальное насилие

Д2 – девочки-подростки, воспитанницы школы-интерната

Таблица 7

Достоверные различия Ты-образов (недруг) подростков

Подростки	в	д	и	ис	к	п	с	т	э	м	+	=	-
М1													
М2				- 0,05							- 0,05		
Д1	0,05												
Д2													

Примечание:

М1 – мальчики-подростки, пережившие сексуальное насилие

М2 – мальчики-подростки, воспитанники школы-интерната

Д1 – девочки-подростки, пережившие сексуальное насилие

Д2 – девочки-подростки, воспитанницы школы-интерната

Из представленной таблицы можно заключить, что у мальчиков, переживших сексуальное насилие, достоверных различий не обнаруживается. Единственные отличия присутствуют у мальчиков, воспитанников школы-интерната по характеристике социального интеллекта и по параметру положительного оценивания себя с недругом.

В отношении девушек, переживших сексуальное насилие, достоверные различия присутствуют лишь по волевой характеристике.

2.5. Различия в описаниях Ты-образов у подростков-жертв сексуального насилия с подростками общеобразовательных школ

С той же целью, которая формулировалась в предыдущем параграфе, мы сопоставили образ друга подростков из экспериментальной группы с тем же образом подростков-учащихся общеобразовательных школ (табл. 8).

Таблица 8

Достоверные различия Ты-образов (друг) подростков

Подростки	в	д	и	ис	к	п	с	т	э	м	+	=	-
М1													
М2													
Д1		0,05										0,05	
Д2													

Примечание:

М1 – мальчики-подростки, пережившие сексуальное насилие

М2 – мальчики-подростки общеобразовательных школ

Д1 – девочки-подростки, пережившие сексуальное насилие

Д2 – девочки-подростки общеобразовательных школ

Как видно из таблицы 8 достоверных различий в диаде мальчик-мальчик не отмечается.

А вот у девочек в экспериментальной группе отмечаются различия по деятельностной ($p < 0,05$) характеристике. Причем в друге отмечаются амбивалентные характеристики. Следовательно, можно заключить то, что для девушек, переживших сексуальное насилие, образ друга является нейтральным или амбивалентным. Мы же предполагаем, что это связано с размытостью образа другого. В принципе это подтверждается другими исследованиями, которые рассматривают размытость и неопределенность Я-образа подростков, переживших сексуальное насилие. Однако, нам кажется, что этот тезис нуждается в дополнении. Так как для подростков референтным становится его сверстник, то и формироваться Я-образ в этом возрасте будет через Ты-образ. Следовательно, если отмечается размытость Ты-образа, то тоже будет и с Я-образом подростков.

В описании недруга подростками, как и в предыдущем параграфе, тоже наметились некоторые различия (таблица 9).

Как видно (табл. 9) достоверных различий по недругу в диаде мальчик-мальчик, точно также как и по другу не отмечается.

Зато у девушек, переживших сексуальное насилие, вновь присутствует различие по деятельностной ($p < 0,01$) характеристике и добавляется волевая ($p < 0,05$). Скорее всего, различия по волевой характеристике связано не с реальным, а идеальным представлением о самом себе. В силу того,

что личность осознает, или пытается осознать, что произошло с ней, а также в силу того, что могут возникать противоречия в переживаниях по факту случившегося девушка может находиться в иллюзорном представлении о своей собственной силе. Возможно, это может рассматриваться и как компенсаторный фактор.

Таблица 9

Достоверные различия Ты-образов (недруг) подростков

Подростки	в	д	и	ис	к	п	с	т	э	м	+	=	-
М1													
М2													
Д1	0,05	0,01											
Д2													

Примечание:

М1 – мальчики-подростки, пережившие сексуальное насилие

М2 – мальчики-подростки общеобразовательных школ

Д1 – девочки-подростки, пережившие сексуальное насилие

Д2 – девочки-подростки общеобразовательных школ

Таким образом, при анализе Я-образов подростков, переживших сексуальное насилие с Я-образами подростков-воспитанников различных образовательных учреждений обнаружилось следующее:

1. В Я-образе мальчиков, переживших сексуальное насилие в отличие от Я-образа девочек, переживших сексуальное насилие, обнаруживаются различия по интеллектуальной характеристике ($p < 0,01$). А у девочек в сравнении с мальчиками – по телесной ($p < 0,01$).
2. Достоверных различий мальчиков и девочек, переживших сексуальное насилие, при анализе Ты-образов (друг) не обнаружено.
3. При анализе Ты-образов (недруг) мальчиков-подростков, переживших сексуальное насилие, в отличие от девочек аналогичной группы, обнаруживаются различия лишь по метафорической характеристике ($p < 0,05$). А у девочек, по сравнению с мальчиками-подростками – по 4 из 13 характеристик. В частности: волевой ($p < 0,05$), социальному интеллекту ($p < 0,05$), социальной ($p < 0,05$), эмоциональной ($p < 0,05$).
4. Анализ различий Я-образов различных групп респондентов показывает, что в отличие от мальчиков, воспитанников школы-интерната, мальчики-подростки, пережившие сексуальное насилие, обнаруживают различия лишь по социальной характеристике ($p < 0,01$). А у группы девочек достоверных различий не выявлено.
5. Анализ различий Я-образов различных групп респондентов показывает, что в отличие от сверстников общеобразовательных школ, мальчики-подростки, пережившие сексуальное насилие, обнаруживают различия по деятельностной ($p < 0,05$) и эмоциональной ($p < 0,01$) характеристикам.

А у девочек в аналогичном сравнении обнаружено различие лишь по деятельностной ($p < 0,05$) характеристике.

6. При сравнении Ты-образов (друг) у мальчиков, переживших сексуальное насилие, в сравнении со сверстниками школы-интерната существенных различий не обнаружено. А у девочек в аналогичном сравнении достоверные различия отмечаются по поведенческой характеристике ($p < 0,01$).
7. При анализе Ты-образов (недруг) у мальчиков, переживших сексуальное насилие, в сравнении со сверстниками школы-интерната существенных различий не обнаружено. А у девочек в аналогичном сравнении достоверные различия отмечаются по волевой характеристике ($p < 0,05$).
8. При анализе Ты-образов (друг) у мальчиков, переживших сексуальное насилие, в сравнении со сверстниками общеобразовательных школ существенных различий не обнаружено. А у девочек в аналогичном сравнении достоверные различия отмечаются по деятельностной характеристике ($p < 0,05$) и амбивалентной ($p < 0,05$).
9. При анализе Ты-образов (недруг) у мальчиков, переживших сексуальное насилие, в сравнении со сверстниками общеобразовательных школ существенных различий не обнаружено. А у девочек-подростков в сравнении со сверстницами общеобразовательных школ достоверные различия наметились по волевой ($p < 0,05$) и деятельностной ($p < 0,01$) характеристикам.
10. Анализ сравнений образов внутри каждой группы (Я-реальный/друг; Я-реальный/недруг) у мальчиков-подростков, переживших сексуальное насилие, достоверных различий не обнаруживает.
11. Анализ сравнений образов внутри каждой группы (Я-реальный/друг; Я-реальный/недруг) у девочек-подростков, переживших сексуальное насилие, обнаруживает достоверные различия в паре Я-реальный/недруг по эмоциональной ($p < 0,05$), позитивной ($p < 0,01$), амбивалентной ($p < 0,01$) и отрицательной ($p < 0,01$) характеристикам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема сексуального насилия на сегодняшний день, как в науке, так и в практике остается весьма актуальной. Тем более она становится значимой, если это касается детей и подростков.

По мнению большого круга ученых, подростковый возраст представляет собой период, когда влияние эмоций на духовную жизнь наиболее очевидно [28, с. 42-43].

Восприятие себя и себя в обществе после перенесенного сексуального насилия является одной из проблем современного подростка. Подростковый период, по мнению большинства отечественных ученых, это период личностной нестабильности. После поисков, в первую очередь себя, у него формируется «Я-концепция» – система внутренне согласованных представлений о самом себе, образов «Я». Образы «Я», которые создает в своем сознании подросток, разнообразны – они отражают все многообразие жизни подростка. Однако, подросток еще не цельная зрелая личность. Неустойчивость всей душевной жизни в этом возрасте приводит к изменчивости представлений о себе.

По мнению В.Л. Ситникова, Я-образы оказываются достаточно тесно связаны с Ты-образами. При этом актуализация конкретной системы Я-образов личности ситуативна и зависит от различных факторов: самочувствия; предшествующих поступков; ожиданий и намерений; от того, с кем конкретно взаимодействует человек; от успешности деятельности или взаимодействия; от отношений человека к себе, к окружающим, к ситуации и прочих факторов. Каждый социально-перцептивный образ является продуктом как рациональных, сознательных, осознаваемых, так и иррациональных, бессознательных, неосознаваемых усилий человека по восприятию и пониманию себя и другого [32, с. 26].

Так, в нашем исследовании обнаружилось, что Я-образ мальчиков-подростков, перенесших сексуальное насилие, недостаточно дифференцирован, поэтому может затруднять осознание совершаемых с ним насильственных действий сексуального характера. С возрастом под воздействием осознания совершаемых насильственных действий сексуального характера, по нашему мнению, происходят изменения в самой структуре Я-образа. Так, интеллектуальная характеристика, доминирующая в подростковом возрасте, вытесняется и на ее месте появляется телесная. Это связано, как нам кажется, не с привлекательностью, а с эффективностью, т.е. с позиции физической силы. (Например, я не смог защитить себя, так как он/она был сильнее меня и т.п.).

Я-образ девочек-подростков, переживших насилие включает в себя достоверные различия по телесной характеристике. Что нами связывается с центрацией на привлекательности (непривлекательности) своего тела.

Я-образ девочками оценивается позитивно, однако на более старших этапах своего развития он может измениться в сторону амбивалентной или отрицательной характеристики.

В Ты-образе при описании недруга у девочек, переживших сексуальное насилие, в большей степени по сравнению с другими выражена волевая характеристика (во всех сравнениях, т.е. с группой мальчиков, переживших сексуальное насилие, с группами девочек из общеобразовательных школ и школы-интерната), причем с возрастом она может переходить и в Я-образ девушек. Нами этот факт рассматривается как процесс идентификации в большей степени с недругом, чем с другом. Данный факт может способствовать в дальнейшем развитии формированию неадекватного Я-образа.

Обнаруженные различия Я-образов подростков, переживших сексуальное насилие, позволяют рассмотреть их особенности, в частности структурные элементы Я-образа мальчиков и Я-образа девочек. Дают возможность осознания субъективной реальности таких подростков, открывают пути коррекции специалистам, встречающих такие случаи в своей практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверин В.А.* Психология личности: Учебное пособие. СПб., 1999.
2. *Асанова Н.К.* Жестокое обращение с детьми: основные методологические вопросы, практические и правовые аспекты: Руководство по предупреждению насилия над детьми. М., 1997.
3. *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2001.
4. *Бударцева С.* Создан центр помощи жертвам сексуального насилия // Воспитание школьников, 1996, № 2. С. 37-38.
5. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб., 1997.
6. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. 3-е изд. СПб., 2000.
7. *Гайденок Н.* Жертвы озверевшего гормона // Литературная газета, 1996, № 4.
8. *Гурьева В.А.* и др. Предисловие к статье Холл З. Последствия сексуальных и психологических травм детства // Вопросы психологии, 1992, № 5. Том 13. С. 118-120.
9. *Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н.В.* Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии // Психологический журнал, 2001, № 3. Том 22.
10. *Ефимова Л.* О конституциональных основах правового регулирования защиты нравственности и здоровья детей в теле- и радиопередачах // Защити меня!, 2000, № 3. С. 17-19.
11. *Зарецкий В.К.* и др. Пути решения проблемы сиротства в России. М., 2002.
12. *Захарьева И.А.* Психологические факторы виктимности несовершеннолетних жертв изнасилования: Автореферат дисс. на соискание степени кандидата психологических наук. СПб., 2000.
13. *Зимелева З.А.* Агрессивное поведение подростков и личность родителей // Психологическая наука и образование, 2001, № 4. С. 22-25.
14. *Ильина С.В.* Влияние пережитого в детстве насилия на возникновение личностных расстройств // Вопросы психологии, 1998, № 6. С. 65-74.
15. *Иншаков С.М.* Зарубежная криминология. М., 1997.
16. *Калмыкова Е.С., Падун М.А.* Ранняя привязанность и ее влияние на устойчивость к психической травме: постановка проблемы (сообщение 1) // Психологический журнал, 2002, № 5. Том 23.
17. *Карпова Н.Л.* Изменение психических состояний как механизм и цель логопсихотерапевтического воздействия // Мир психологии, 1998, № 2(14).
18. *Кирпиченко А.А., Кирпиченко Ан.А.* Основы психосексуальных расстройств: Учебн. пособие. Витебск, 2001.
19. *Кон И.С.* Введение в сексологию: Учебное пособие. М., 1999.
20. *Ломова Н.Г.* Социальный психотравматизм подростков: Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1994. – 17 с.
21. *Мудрик А.В.* Введение в социальную педагогику. Учебное пособие для студентов. М., 1997.

22. *Мэнделл Дж. Г., Дамон Л. и др.* Групповая психотерапевтическая работа с детьми, пережившими насилие / Пер. с англ. М., 1998.
23. *Нагаев В.В.* Преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних: психологическая экспертиза и правовая защита // Вестник психосоциальной и коррекционной работы, 1998, № 4. С. 59-79.
24. *Никончук А.* Начало социально-педагогической виктимологии // Сацьяльна-педагогічна работа, 1997, вып. № 2. С. 10-22.
25. *Осухова А.Г.* Психодрама: помощь детям, пережившим насилие // Педагогика, 2001, № 3.
26. *Петров И.Г.* Парадоксы состояния как реальности и понятия // Мир психологии, 1998, № 2 (14).
27. *Пирс Дж.* Последствия злоупотребления и пренебрежения ребенком для его развития: направления психотерапии детей – жертв насилия: Руководство по предупреждению насилия над детьми. М., 1997.
28. Психология подростка. Полное руководство. Под ред. член.-корр. РАО А.А. Реана. СПб., 2003.
29. *Реан А.А., Дандарова Ж.К., Прокофьева В.А.* Социальное сиротство в современной России. Москва, 2002.
30. *Реан А.А., Коломинский Я.Л.* Социальная педагогическая психология. СПб., 2000.
31. *Руденкова Г.И.* Основные направления государственной политики в решении проблемы социального сиротства в Республике Беларусь // Социально-педагогическая работа, 2001, № 2.
32. *Ситников В.Л.* Образ ребенка (в сознании детей и взрослых). СПб., 2001.
33. *Соколова Е.Т.* Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М., 1989.
34. *Степанова Т.М.* Несовершеннолетние как объект торговли и эксплуатации // Социально-педагогическая работа, 2002, № 1(29).
35. *Филатова И.* Мальчики и девочки для мужчин и женщин // Аргументы и факты, 1996, № 36.
36. *Шибанова Н., Шуляк Ю., Кожмякин С., Лавренова В., Кабекова О., Волобуев П., Черных И.* Молодое поколение в опасности // Защити меня!, 2001, № 2. С. 16-18.